

УДК 140.8
ББК 87.2

О СУЩНОСТИ МЕТАФОРЫ

О.И. Тарасова

Статья посвящена метафоре как универсальной онтологической и гносеологической категории, по самой своей сущности предполагающей вариативность понимания и связанной с глубинными структурами реальности и возможностями человеческого бытия-в-мире.

Ключевые слова: метафора, инвариантность, аналитическая диссоциация чувств, мировоззрение.

Метафора – важнейшая онтогносеологическая категория. Но только в конце XX века философы и логики обратили внимание на тропы (прежде всего на метафору) и интерпретировали их как процедуры смыслопорождения и формирования универсалий. Уникальность тропов в том, что, являясь способом многосмысленности, «они оказываются при сути бытия, выражая одно (одну важнейшую вещь) через другое (множество других)» [7, с. 224]. Более того, тропы обладают широкой открытостью пониманию. Эта открытость представляет содержательную сторону мышления в ее тождестве с формально-образными структурами и содержит в себе «способность и постоянную готовность вещи выразить себя в разных значениях, обусловленных переходом мысли через ничто, обеспечивающим *вариативную способность понимания* (два пишем, три в уме)» [там же, с. 223].

В современных исследованиях, посвященных метафоре, раскрываются ее онтологические основания. Речь идет о том, что метафора связана не просто с субъектом, познающим действительность, но с человеком, пребывающим в бытии, со способом существования человека в мире. Современная теория считает, что само существование метафоры утверждает первичность переносных смыслов. Но по многим причинам способность человека к переносным смыслам, метафоре,

мышлению в феномене одновременности оказывается ограничена.

В современной эпистемологии, как отмечает А.И. Пигалев, недостаточно учитывается тот факт, что человек воспринимает реальность посредством *системы* органов чувств. Точнее, не учитывается именно *системный характер восприятия*. Речь идет о том, что органы чувств определенным образом взаимодействуют. Уже в древности сам феномен сознания толковался как взаимодействие различных модальностей восприятия, то есть как некий межмодальный синтез. «Это означает, что восприятие основывается на репрезентации одной модальности через соседство другой модальности, на переносе модальности, то есть на метафоре» [10, с. 39].

Основу целостного, органичного восприятия и понимания мира дает единство всех человеческих чувств. По мысли П.А. Флоренского, нельзя не признать, что «пять, или шесть, или семь чувств – семь врат знания... семь способов чувственного отношения к миру, суть семь метафизических осей самого мира. И если в чувствах находим глубокое различие, то это, конечно, потому, что в самой действительности мира уже содержатся эти семь параметров» [14, с. 32]. Это единство семи человеческих чувств под воздействием процесса аналитической диссоциации постепенно распадается, и чувства лишаются способности и возможности взаимодействия. Одно из них выделяется, обособляется, становится доминирующим и начинает определять отношение человека к миру. А те

чувства, которые активно не используются в процессе осознания и переживания мира, постепенно атрофируются. Разрушение аудиотактильного единства и взаимодействия чувств (по М. Маклюэну – результат интериоризации фонетической технологии письменности), доминирование обособленного зрения над всеми другими формами опыта, формирование неестественного визуального уклона цивилизации предопределяют «превращение мира в картину» и дальнейшую технологическую трансформацию «зрелищности» в «виртуальность». Доминирование «видимости» приводит к тому, что наступает эпоха «неестественного опьянения реализмом» (Ж. Бодрийяр) и, можно сказать, эпоха «неестественного опьянения информацией». Именно зрелищность как доминирующий способ отношения к миру способствует постепенной атрофии образного мышления и возникновению конфликтных противоречий между одноплановостью реализма, с одной стороны, и многоплановостью иносказательности, структурами переносных смыслов, символичностью и метафоричностью – с другой.

Проблема «неестественного опьянения реализмом» состоит в том, что обособленная визуальность способна видеть только свой план бытия. Или, словами Хайдеггера, она тавтологична, поскольку пользуется только одной стороной реальности. А вся нередуцируемая многомерность бытия доступна только интегральности чувств, аудиотактильному единству в феномене одновременности. Как отмечает М. Маклюэн, «изоляция способности видения быстро привела к изоляции одной эмоции от другой... И напротив, нормальное взаимодействие эмоций связано с синестезией, или взаимодействием чувств» [5, с. 206]. Аудиотактильное единство – это единство взаимодействия всех чувств (видов опыта). Переход одних форм опыта в другие – изменение, перенос, метафора – состоит «в нашей рациональной способности переводить чувства друг в друга. Мы это делаем ежесекундно. Однако за эти специализированные средства – будь то колесо, алфавит или радио – нам приходится расплачиваться тем, что эти грандиозные расширения чувств образуют замкнутые системы. Наши личные чувства, правда, не

являются закрытыми системами, так как они бесконечно переходят друг в друга в том опыте, который мы называем “со-знанием”. Но наши расширенные чувства, орудия труда, технологии веками представляли собой закрытые системы, неспособные к взаимодействию и недоступные коллективному осознанию» [5, с. 9].

Человеческая способность понимать опыт с помощью метафоры – это как одно из чувств, как видение, как осязание или слух; обращение к метафорам остается единственным способом восприятия и осознания в опыте большей части действительности [3, с. 253]. Для метафоры необходимо чувство, и Ортега-и-Гассет подчеркивает, что чувство – это «способность воспринимать различия, оно схватывает разнообразное и переменчивое, но притупляется и слепнет перед устойчивым и неизменным» [8, с. 207]. Господство «технического интеллекта» (М. Шелер) приводит к ситуации деактуализации чувств, утрате непосредственной связи человека и мира, утрате укорененности в трансцендентном. Техника отделила человека от непосредственного присутствия (К. Ясперс). По мнению Хайдеггера, человек – раб техники, раб той силы, которая пронизывает все техническое производство. Именно разноплановость чувств, разнообразие форм опыта, соответствующее «всем метафизическим осям мира», составляют основу не технического, машинного, а живого, человеческого восприятия и миропонимания. «Отправной пункт открытия человеком бытия, реального существования мира – в его чувственности, в его практике, а не в мышлении. ...Первоначальное открытие бытия человеком – это прерогатива чувственного» [13, с. 5]. Первичность переносных смыслов, способность к метафоре связана с открытием бытия человека в мире. П. Рикёр утверждал, что метафора связана «с глубинными структурами реальности», «с потенциальными возможностями нашего бытия-в-мире» (см. [9]). Метафора связана с целостным мышлением бытия, в которое изначально включен весь человек, а не только его рациональность.

Фундаментальное техническое искажение форм опыта, отношений и миропонимания, развитие опасной тенденции умственного по-

требительства до уровня информационно-образной «наркомании» приводят не только к утрате потребности в самостоятельном смыслообразовании, но и к тому, что исчезает мышление, постигающее сущности бытия. Следовательно, исчезает *полноценное*, ценностное отношение к сущему, исчезает осознанность как модус отношения человека к бытию. Мыслящее сознание, открывающее многоплановость бытия единством чувств в феномене одновременности, постигает сущность жизни в «инвариантной структуре по эссенциальным характеристикам» (М. Шелер). Инвариантность – это способность «схватить одновременность разного» (Т.П. Григорьева), устный способ открытости многомерному нередуцируемому целому. Единство чувств в феномене одновременности является основой полимодального синтеза, составляющего специфику метафорического переноса, о котором говорит М. Маклюэн. Их динамическое единство в состоянии переводимости создает устойчивую динамическую структуру, открытую изменениям.

Состояние переводимости – основа механизма смыслообразования, оно дает качество метафорического переноса смыслов, или феномен иносказательности. А первичность переносных смыслов и динамическая структура смыслообразования соответствуют кардинальной нередуцируемой многоуровневости бытия. Онтологической основой метафоры является «изначальная сопряженность человека и мира, первичное единство вещей. Такое первичное отношение к бытию, выраженное метафорой, характеризуется, во-первых, представлением о тождественности, о нерасчлененности субъекта и объекта, о глубинной связи человека и бытия, выраженным еще в положении Упанишад “Ты Одно во Всем”. Во-вторых, это отношение состоит в непосредственном ощущении глубочайшего единства всех вещей мира, представленного другой формулой Упанишад “Все есть Одно”» [12, с. 62].

Понимание сущности жизни и бытия возможно для активного, чувствующего и мыслящего сознания. И если постижение сущности жизни реализуется в инвариантной структуре, то инвариант – это смыслообраз, структурно-символическая многоуровневая бытий-

ная аналогия. Метафора, которая «осуществляет прорыв к всеобщему единству существующих явлений» [12, с. 61], – простейший случай инвариантной системы, простейший аналоговый феномен. Первичность переносных смыслов – это открытие присутствия трансцендентного измерения бытия. Метафора – исходная метафизическая структура, выражающая глубину человеческого понимания и открытость мыслящего сознания миру. Слагать метафоры – это искусство мыслить сущность жизни и бытия, поскольку «мышление должно стихослагать над загадкой бытия» (М. Хайдеггер).

Метафора является способом мышления, неподвластным существу техники, и обладает специфическими особенностями, отличающими ее от линейного способа суждения. Воображение является «деятельностью духа, которая воплощается в метафорических формах. Воображение может рассматриваться как стихия, в которой... рождаются метафоры, оно представляет собой процесс генерации метафорических соотношений» [12, с. 59]. Метафора возникает как структурно-полифоническое множество на основании общего «эмоционального тона» так же, как мыслят дети, когда эмоции ребенка еще не отделены от его познавательных процессов – восприятия, памяти, мышления. На основании общего «эмоционального тона» происходит объединение впечатления от предметов и явлений, различных во всех других отношениях, то есть с рациональной точки зрения это обобщение не по главному, не по доминантному признаку. При этом пространство допонятийного детского мышления напоминает описываемое культурологами пространство мифа и несет в себе характеристики того, что мы называем творческим, или эвристическим, мышлением [4, с. 120].

Иными словами, потенциал эвристичности прямо пропорционален силе воображения и умению самостоятельно продуцировать идеи и смыслообразы. Одним из признаков допонятийного, «комплексного», мышления ребенка является постоянная смена оснований обобщения (Л.С. Выготский) ввиду множественности чувственных признаков обобщаемых предметов. В итоге комплекс оказывается «принципиально безграничным»:

меня основание, в него можно включать все новые и новые предметы. При этом в отличие от понятия конкретный элемент входит в комплекс как реальная наглядная единица со всеми своими фактическими признаками и связями [6, с. 227–228]. Состояние переводимости, перенос с чувства на чувство, описание одного опыта в терминах другого, смена основания обобщения на основе полимодального синтеза чувств в феномене одновременности есть естественное для мыслящего сознания состояние динамической открытости миру.

Метафора – это логика иносказания и образного мышления, одновременное понимание различных структурных уровней, умение переводить с одного языка на язык различных видов опыта. Но не за счет прямого и однозначного соответствия слов, а за счет видения сходства и аналогий в образных структурах. Ортега-и-Гассет говорил, что метафора «удлиняет руку интеллекта». Подлинное понимание связано с творческим импульсом на полюсе восприятия, с расширением внутренней реальности человека, с его способностью схватить целое ранее дискретных подробностей. «Понимание (как и создание) метафоры есть результат творческого усилия: оно столь же мало подчинено правилам. ...Для создания метафор не существует инструкций, нет справочников для определения того, что она “означает” или “о чем сообщает”. Метафора опознается только благодаря присутствию в ней художественного начала. Она с необходимостью предполагает ту или иную степень артистизма» [2, с. 173].

Следствием процесса аналитической диссоциации чувств и доминирования обособленной визуальности является то, что в письменной культуре, в пространстве социально-технологической цивилизации умение «слагать метафоры», самостоятельно генерировать идеи и образные структуры с течением времени оказывается невостребованным. С деметафоризацией, в частности, связана и деградация того, что Хайдеггер называет «поэтическим обитанием на Земле» и «поэтическим отношением к миру».

Опасность снижения умственной и интеллектуальной активности – это результат расщепления сознания и формирования шизофренического типа. Аналитическая диссо-

циация чувств приводит к «остановленному умственному усилию» (М. Маклюэн), а люди со сниженной интеллектуальной активностью, как свидетельствует психиатрия, не способны к постижению метафоры, поскольку могут воспринимать только буквальный смысл, видят только уровень обозначений.

Метафора – ближайшая родственница древнего мифа, который чрезвычайно труден для современного восприятия и недоступен для обособленного визуального понимания, поскольку в мифе все уровни значений и смыслов одновременны. Миф, по мнению Маклюэна, – это форма одновременного восприятия множества причин и следствий. Именно это структурное единство, объединенное полимодальностью опыта и соответствующее нередуцируемой многомерности универсума, дает возможность мирозерцания и мировидения по ту сторону реализма.

Эвристический потенциал умения генерировать образные структуры основан на особом «состоянии переводимости», определяется искусством постоянной смены основания обобщения на основе динамического единства всех форм опыта в феномене одновременности. Именно единство разных форм опыта позволяет выявлять аналоговое сходство. В этой связи Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что сходство, на которое опирается метафора, с точки зрения реальности несущественно. Поэтому при четком осознании неидентичности сочетаемого в метафорическом образе возникает возможность энгармонизма смыслов и синтез смыслообразов как результата структурно-аналоговых преобразований. Единство чувств в феномене одновременности, находящихся в состоянии переводимости, создает открытую структуру, обладающую инвариантной гибкостью.

В соответствии с теоремой К. Гёделя о неполноте формальных систем, любая конечная система правил и предписывающих процедур оказывается недостаточной для исчерпывающего обеспечения любого практического процесса, включающего в себя скрытые, неэксплицируемые послышки, которые никакой кодификатор предусмотреть и исчислить не в состоянии. Как утверждает М. Полани, даже если, согласно теореме К. Гёделя, любая достаточно богатая формальная система неиз-

бежно неполна, она способна «пополняться новыми аксиомами, обоснованно вводимыми в нее нашим личностным суждением» [11, с. 267]. Новая аксиоматика – результат самостоятельного смыслопорождения, новых метафор. Иначе говоря, воображение и элементарные творческие навыки являются необходимыми для любого вида деятельности. С точки зрения Я.Э. Голосовкера, мышление идеями и само порождение идей есть деятельность воображения. Мышление образами есть одновременно мышление смыслами. Деятельность воображения есть высшая форма мышления как деятельность одновременно и творческая, и познавательная [1, с. 11–12].

Метафора – онтогносеологическая процедура смыслопорождения и смыслопонимания в процессе осознания бытия. Метафора по своей сущности способна преодолеть логику предельной формализации и выйти из круга «истребляющего потребления мира». Метафора – это способ выражения инвариантности универсалии «Все в Одном, Одно во Всем». Метафора – это, вероятно, наиболее богатая из тех потенций, которыми располагает человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голосовкер, Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. – М. : Наука, 1987. – 218 с.
2. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 173–194.

3. Лакофф, Дж., Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

4. Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997. – 668 с.

5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн. – К. : Ника-Центр, 2003. – 432 с.

6. Мелик-Пашаев, А. А. Мир художника / А. А. Мелик-Пашаев. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 270 с.

7. Неретина, С. Пути к универсалиям / С. Неретина, А. Огурцов. – СПб. : РХГА, 2006. – 1000 с.

8. Ортега-и-Гассет, Х. Две главные метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Искусство, 1991. – С. 203–218.

9. Рикёр, П. Живая метафора ; Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение / П. Рикёр // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 416–456.

10. Пигалев, А. И. Человек и проблема реальности / А. И. Пигалев // Человек в современных философских концепциях : материалы Четвертой междунар. конф., г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г. В 4 т. Т. 1. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – С. 36–44.

11. Полани, М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 464 с.

12. Полозова, И. В. Онтологические основы метафоры / И. В. Полозова // Философские науки. – 2003. – № 4. – С. 52–68.

13. Рубинштейн, С. Л. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – М. : Наука, 1997. – 189 с.

14. Флоренский, П. А. Имена : Сочинения / П. А. Флоренский. – М. : Эксмо Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. – 912 с.

ON THE ESSENCE OF METAPHOR

O.I. Tarasova

The paper is devoted to metaphor as a universal ontological and epistemological category. According to its essence, the metaphor presupposes variability of understanding. The metaphor is connected with the deep structures of reality and possibilities of the human being-in-world.

Key words: *metaphor, invariance, analytical disassociation of human feelings, world outlook.*